

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ ОБЩЕСТВЕННОЙ АВТОТРОФНОСТИ И ГЕТЕРОТРОФНОСТИ В СВЕТЕ ИДЕЙ В.И. ВЕРНАДСКОГО

В статье на основе идей В.И. Вернадского дана экспликация социально-философского смысла понятий «общественная автотрофность» и «общественная гетеротрофность». Показаны ограничения и следствия при их индивидуально-организменном и субъектно-общественном понимании.

Ключевые слова: социальная философия, общественная автотрофность, общественная гетеротрофность.

A.S. Skachkov

SOCIALLY-PHILOSOPHICAL SENSE OF PUBLIC AUTOTROPHY AND HETEROTROPHY IN THE LIGHT OF V.I. VERNADSKY'S IDEAS

Social-philosophical analysis of such concepts as public autotrophy and public heterotrophy based on point of view of Vernadsky is given in the article. Sense limits and consequences at their individual and subjective understanding are shown.

Key words: Social philosophy, public autotrophy, public heterotrophy.

Понимание сути предикативации автотрофности признака «быть общественным явлением» нельзя назвать беспроблемным. Ведь автотрофность – это вид трофической зависимости какого-либо организма, когда он, не питаясь другими неделимыми жизни, в пределе может существовать только за счет косного вещества и рассеянной энергии. Это фиксация организмических особенностей неделимых, не могущая содержать прямой информации о социетальных качествах каких-либо существ, но способная нести «недостаточное различие чисто социальных факторов от других: биологических и физико-химических» (чего надлежит избегать) [1, 523]. Однако созданные В.И. Вернадским человекомерные понятия «социальная гетеротрофность» и «социальная автотрофность» [2, 482] стали достоянием социально-философской мысли. Различаются ли коренным образом значения конструкторов автотрофность и гетеротрофность при их применении в контексте биологических, биогеохимических и собственно социально-философских размышлений? Разве не несут в себе эти применения в принципе несводимые друг к другу без остатка смыслы?

Ответы на заданные вопросы не содержатся прямо в трудах В.И. Вернадского, не претендовавшего на философский анализ вводимых понятий. И это неизбежно в силу четко осознававшегося им правила разделения труда философов и естествоиспытателей [3, 102, 104, 154].

Вводя названные понятия, В.И. Вернадский опирался на некоторые размышления мыслителей XIX в., прежде всего – естествоиспытателей (М. Бертелло, Д.И. Менделеева, В. Оствальда, К.А. Тимирязева, Н.А. Умова) или непрофессиональных философов (С.А. Подолинского, Н.Ф. Федорова). При этом Владимир Иванович, вероятно, не знал, что схожие размышления вел в духе «мировоззренческой фантастики» начиная с первых публикаций в конце XIX в. К.Э. Циолков-

ский. Особо в этом ряду можно выделить собственно философа Э.Ж. Ренана, писавшего в работе 1876 г. («Философские диалоги и фрагменты») о возможности в будущем промышленного синтеза пищевых продуктов «из воздуха» как революции в социальной жизни, прогрессе в развитии чувств. Именно в силу «необходимости для решения социального вопроса» [2, 480]. В.И. Вернадский и ставил задачу достижения человечеством «социальной автотрофности». При этом (что существенно и чего не следует забывать) он отдавал себе отчет в том, что использованное им понимание «социальной автотрофности» не давало ответа опять же на «социальный вопрос»: «Будет ли (социальная автотрофность. – А.С.) благотворна или доставит новые страдания человечеству?» [2, 483]. В таком понимании «социальная автотрофность» есть концепт, который не может ясно фиксировать грань между теми взаимосвязями и взаимообусловленностями людей, обществ между собой, а также людей и обществ с природой, которые есть линия их «благотворного» соразвития в отличие от прогивоположного тренда. Вместе с тем именно данный концепт и фиксирует эту грань, хотя бы и неявно. Прояснение требует философской работы т.е., по сути, ответы и их отсутствие делают возможным сведение проблематики «человек (человечество) и автотрофность» к «опасной иллюзии» (Н.Н. Моисеев) или к «последнему слову философии техники» с отождествлением «кибернетических устройств» и «автотрофов среди нас» (В.А. Кутырев). Все это свидетельствует о том, что найти ответы необходимо, причем такие, которые способны «более определенно связать гуманистически направленные мысли о неразрывной связи человека и универсума с современными научными представлениями о перспективах человека» [4, 249]. Только тогда можно адекватно уяснить, как и почему «биосфера (“монолит” природы и цивилизации) оказалась объединенной...

биогеохимической энергией» [5, 10], «как вообще возможна управляемая эволюция» [6, 307].

Хотя у В.И. Вернадского нет философского анализа интересующих нас конструктов, то следует понять то, что в отношении них у него есть (начиная с рукописи «Живое вещество», дневниковых записей, писем, «Очерков геохимии» и заканчивая «книгой всей жизни» – «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения») «выходящие за пределы точного научного знания», что неоспоримо, философски ориентированные рассуждения, в концентрированном виде представленные в публикации 1925 г. «Автотрофность человечества». Через эти рассуждения Вернадский, по сути, вел поиск релевантного сочетания смыслов: 1) «способа питания» (более емко – тип питания) людей (шире – типа удовлетворения ими своих потребностей) и 2) «общественной жизни» [2, 477]. Делая акцент на первом из них, В.И. Вернадский искал выяснения типов того, что П.А. Сорокин называл социальным явлением. Логика рассуждений В.И. Вернадского в нашей реконструкции представлена ниже.

Общественная жизнь – частный случай проявления в биосфере «неделимых жизни», т.е. это индивидуально-организменное проявление людей. Без биосферы ни одно неделимое не существует и существовать не может, находясь в разнообразной зависимости от монолита жизни и его конкретных частей. Есть основной, порождающий (генезисный) и функциональный типы зависимости «живого от живого»: первый определяется «принципом Реди», в рамках второго фундаментальна связь с «живым целым» «благодаря питанию» [2, 464, 468]. Неделимые, не имеющие прямой трофической зависимости от других неделимых, определяют «структуры самих основ биосферы» [2, 463]. Кооперативная система неделимых, не нуждающихся в поглощении других живых существ и использующих потоки рассеянной энергии (т.е. автотрофов) – генетическое начало всего многообразия биосферы, ответственное за устойчивое воспроизводство ее монолитности. Никакие неделимы (например, люди в их индивидуально-организменном аспекте) не могут выйти из генезисного типа зависимости, т.е. они, по В.И. Вернадскому (а не по кому-либо), субстратно не могут разуподобиться находящимся в «начале» биосферы автотрофам, не могут быть в своей плоти их генетическими наследниками. В отличие от генезисной трофической связи неделимых «может быть изменена, не затронув стойкости жизненного целого»; есть «указание», что «в эволюции некоторых групп бактерий» имел место переход от автотрофности к миксотрофности или гетеротрофности, а затем вновь к автотрофности [2, 468]. Автотрофное в своем истоке «живое вещество» в силу «принципа Гюйгенса» есть «космическое явление»; род людей – носитель, «быть может, космической, силы», которая суть, «разум человека, уст-

ремленная и организованная воля его как существа общественного» [2, 472, 462], т.е. есть момент гомоморфности между этим родом и автотрофами. В рассуждениях о «социальном строе», «общественной и социальной конструкции человечества», «общественной жизни», «общественной идеологии» [2, 469, 477, 480] отстаивается тезис: «Зависимость человека от живого целого благодаря его питанию определяет все его существование. <...> Вся жизнь человека, весь его социальный уклад... определяются этой необходимостью (“уничтожать другие существа или использовать их биохимическую работу”. – В.И. Вернадский)» [2, 468-469]. Гетеротрофность людей определяется как «неукротимое стремление» жить деструкцией других живых существ и их комплексов, извлекая энергию через разрушение ее носителей; оно «управляет миром человека, строит всю его историю и все его существование» [2, 469]. Но «разум человека», когерентный «вековым духовным стремлениям», «все изменяет»: «руководясь им, человек употребляет все вещество, окружающее его – косное и живое», «благодаря земледелию... себя в своем питании освободил от стихийной зависимости от живой окружающей природы», добывается дальнейшего «увеличения с помощью науки мощности человечества», в силу чего им начата «систематическая замена... (источников энергии, получаемой из связанных форм. – А.С.) другими, независимыми от жизни (использование разных форм рассеянной энергии. – А.С.)» [2, 477, 480]. В названном выше стремлении люди выступают «не действием свободной воли... а проявлением естественного процесса»; в таком случае «нет силы на Земле, которая могла бы удержать человеческий разум в его устремлении, раз он постиг, как в данном случае, значение истин, перед ним раскрывающихся», и «для решения социального вопроса необходимо подойти к основам человеческого могущества –... изменить форму питания (добиться синтеза питательных веществ. – А.С.) и источники энергии, используемые человеком (добиться улавливающей рассеянную энергию, а не извлекающей энергетики. – А.С.)» [2, 480-482].

Считаем, что в приведенных рассуждениях есть индивидуально-организменный и общественно-субъектный способы осмысления «социальной» автотрофности.

Если акцентируем первый, то приходим в столкновение с «законом необратимости эволюции» в ее биологическом понимании [7, 321]. Поэтому некритически поддерживаемые организменно-автотрофные мечты [8, 671-672] если и продуктивны, то только в том смысле, в котором продуктивными в некоторых итогах можно признать изыскания «философского камня», «трисекции угла» и «квадратуры круга». Можно, например, думать о росте автотрофных сегментов техносферы на основе нано- или иных прорывных технологий [9], но не следует органопроективный потен-

циал техники обращать в проект подмены автотрофной техникой организмов людей. Необходимо усиление роста общественной автотрофности, когерентной устойчивому саморазвитию биосферы.

В целом же мысль о возможности индивидуальной автотрофности людей возникает в силу их уравнивания с любым организмом. И когда В.И. Вернадский вводил «указание», что переход от гетеротрофного способа питания обратно к автотрофному имел место у некоторых бактерий, то считал это аргументом в пользу онтологической возможности такого перехода для людей как «неделимых жизни». Мысль о таком переходе спорна. Кроме того, этот гипотетический переход суть перехода неделимых, ранее уже бывших автотрофными, хотя бы и питающимися гипотетическими «коацерватными каплями», которые с точки зрения В.И. Вернадского не есть организмы, «неделимые живого вещества». В любом случае изначальная автотрофность первых неделимых жизни на Земле не поколеблется, даже если «коацерватные капли» все же счесть доподлинно праорганизмами для всех организмов, что значит опять же заявить, что первоорганизмы были автотрофными. Человек же бесспорно изначально организменно гетеротрофен, что отмечал сам В.И. Вернадский. И для него, и для нас научно незыблемо представление: «По своему происхождению человек — гетеротроф» [10, 253]. Поколебать этого не смогут никакие изредка развиваемые «экзотические» доводы [11].

Если акцентируем второй подход, то не только остается незыблемым твердое убеждение Вернадского в возможности лишь биосферосовместимой (коэволюционной) автотрофности людей без утраты ими белково-нуклеиновой природы, но появляется понимание того, как может возникнуть именно автотрофное человечество, что значит, автотрофный человек в значении субъектно-личностного его представителя. Это понимание удастся, если и только если, получается снять проблему, скрывающуюся за двойной предикативацией в отношении людей: «Человек животное общественное, гетеротрофное» [2, 475]. Итак, человек: 1) в индивидуально-организменном измерении изначально гетеротрофное существо, но 2) в субъектном измерении — изначально общественное существо.

Но быть общественным, значит быть носителем связки социетальных качеств, не существующей вне взаимосвязи и взаимообусловленности с другими общественными существами, в коей по определению потребности не оторваны, а тесно увязаны со всеми социетальными качествами. Полный их набор — сознание, деятельность, социальные потребности, интересы, отношения, нормативность [12]. Не значит ли это, что говоря о типе питания людей в организменном аспекте, мы приходим к их биологическому определению в качестве гетеротрофных животных, а говоря о ти-

пах удовлетворения всех (а не только в пище) потребностей человека, которые так или иначе определяют все иные социетальные качества, мы вынуждены говорить об общественной автотрофности и гетеротрофности?

Иначе, при удовлетворении каких бы то ни было потребностей какого-либо собственно социетального существа так или иначе выражены его сознание, деятельность, интересы, отношения, нормативность. Одну и ту же потребность, например, дефицитную потребность в пище, можно при прочих равных условиях удовлетворять типически по-разному. Можно силой или манипуляцией изъять предмет удовлетворения потребности у другого субъекта этой же потребности или эгоистически завладеть предметом этой потребности, лишив доступа к нему некоторых других или некоторых иных субъектов идентифицировать с предметом диссипации как предметом удовлетворения потребности. При этом можно внушить диссипируемым субъектам (даже помимо их воли в модусе неконтролируемого сознанием внедрения соответствующих установок), что иное в принципе и невозможно, значит подобного рода диссипация тотально необходима и неизбежна. В последнем случае будет иметь место крайняя степень выявления такого типа удовлетворения всевозможных (не только в пище) потребностей, который максимально разрушителен для субъектов и биосферы, т.е. то, что, например, «супраморалист» Н.Ф. Федоров называл «хорошо организованной ложью», хищническим отношением к природе и человеку. Значит, конструкты, общественная гетеротрофность и общественная автотрофность могут и должны соотноситься с основными типами развертывания всей связки социетальных качеств, т.е. быть обозначениями для противонаправленностей междусубъектных взаимосвязей и взаимообусловленностей, или векторов развертывания потенциала общественной сути людей. Вспомним при этом, что позитивный вектор развертывания определяется различными авторами как негэнтропийный, и какое-либо развертывание нашего потенциала происходит не в пустоте, а в социуме и Природе как расширительно понимаемой (возможно, не только земной) биосфере. Природа для В.И. Вернадского (т.е. системная совокупность прежде всего «живого вещества») — реальность наряду с реальностью косного и биокосного [3], т.е. гипотетически есть система *causa sui*; ее устойчивое развитие негэнтропийно (самоорганизующееся расширенное воспроизводство с увеличением свободной энергии, получаемой из рассеянных или рассеивающихся форм). В отношении к биосфере справедливо утверждение, что «Смысл жизни в борьбе против увеличения энтропии» [13], в отношении к социосфере это может быть продолжено следующим образом: «смысл человеческой жизни в борьбе против увеличения бесче-

ловечности как проявления энтропии в ее социальной форме».

Негэнтропийное развитие человечества (человечность) подобно устойчивому развитию биосферы в целом, даже если Природа и не «субстанциональна». Но человеческая борьба с энтропией невозможна без сознания, без логической деятельности мозга. Это деятельность по производству знаний, наиболее значимыми из которых являются зрелые знания в понятийной форме. Последние служат основанием для создания все новых орудий труда и технологий, которые (хотя далеко не все) являются «усилителями мощности» [13]. При этом в сознании каждого существуют рефлексивные структуры, определяющие модель нормативности через этическую систему: поступки людей реализуются в соответствии с первой либо второй этической системами (по В.А. Лесфевру, Ю.А. Шрейдеру), задающими аксиологическое содержание междусубъектных отношений. Атриктивно-пассионарный тип личности (по Л.Н. Гумилеву) неразрывно связан с действием рефлексивных структур в рамках первой системы с доминантой на обобщение, понятийное раскрытие содержания космо-био-социального опыта людей, создание орудий труда и технологий, являющихся собственно усилителями мощности человечества, которые данный тип не используют в их возможном бесчеловечном применении. Но последнее возможно и осуществляется неаттриктивно-пассионарными и неаттриктивно-непассионарными субъектами, создающими помимо прочего орудия и технологии разрушающей эксплуатации как внечеловеческой, так и человеческой частей антиэнтропийного процесса в Универсуме. В связи с чем следует помнить, что одно дело считать для субъекта достойным подражание не просто животным, в том числе паразитам, но явным хищникам (что в отношении органопроективно понимаемой техники как «тактики самой жизни» проповедовал, например, О. Шпенглер, буквально «вытравивший энтропийной версией биологизма философию культуры» – мыслеобраз Г.М. Тавризяна), другое дело – так не считать.

Из вышесказанного вычленим социально-философский смысл собственно общественной автотрофности: тип междусубъектных взаимосвязей и взаимообусловленностей, когерентных эффекту целостности автотрофной биосферы Земли и ее управляющей автотрофной подсистемы, в рамках которого ведущей стороной жизнедеятельности субъектов является удовлетворение потребностей за счет рассеянного вещества, энергии и информации в противовес их удовлетворению за счет паразитирования или причинения распада целостным системам в виде субъектов и вмещающих биоценозов.

Такой тип невозможен без постоянного, достаточно устойчивого, последовательного и напряженного поиска наиболее гармоничного на каж-

дый конкретный момент времени развития социальных качеств тем или иным субъектом. В таком случае общественная автотрофность есть показатель мощности человечности субъектов в их неустраняемом междусубъектном существовании, имеющий место с того момента, когда возник и некоторыми сообществами устойчиво поддерживался, совершенствуясь в содержании, запрет «не убий!» [14, 31] – базовый регулятор агрессии, требующий культивации действий субъектов первой этической системы. Тогда, «закон техногуманитарного баланса» [15, 97] есть следствие реально осуществившихся в мировой истории стратегических побед первых над вторыми. Развитие и устойчивый рост общественной автотрофности следует признать процессом, приведшим некоторые сообщества к позитивному (иные же просто погибли) социокультурному исходу неолитической революции, когда в качестве способа выхода из системного кризиса, угрожавшего существованию человеческого рода, возникло земледелие, признававшееся В.И. Вернадским элементом общественной автотрофности [2, 477], укрепились «система Учитель» [14, 29].

Фундаментальная причина системных кризисов – общественная гетеротрофность. Наиболее грозное, трудно устранимое (в отличие от адеффагии) проявление – война (в исходном захватническом модусе, т.к. войн оборонительных нет и не может быть не в качестве следствий из первого). Субъекты разжигания войн – крайне опасные агенты торможения «перехода биосферы в ноосферу», поэтому в подлинном смысле человечество может стать «автотрофным» только в том случае, если они будут необратимо лишены возможности реализовывать такое разжигание: иначе говорить о едином ноосферном человечестве бессмысленно [16, 55]. Война быстрее всего ведет к омнициду [17] и приводит в виде войны против Природы практически к тому же результату, значит, вне пути наращивания общественной автотрофности у человечества нет будущего. Оно есть, если доминируют субъекты общественной автотрофности, в этом смысле «стратегические субъекты» ноосферогенеза, который с точки зрения многих немыслим без «роста общественной автотрофности», что ведет к поражению усилий контрагентов (по В.Е. Липскому). Угроза поражения толкает последних к стратегии рефлексивного управления с использованием «обманчивой и соблазнительной личины добра» [18, 437]. Носителям такой «личины» в принципе достаточно стратегически энтропийной энергетики, переводящей «энергию из концентрированного состояния... в рассеянное» [19, 170]. Им чужда передача пассионарной аттрактивности по каналам общения и коммуникации, но свойственно порождение «когнитологической энтропии» (по В.П. Визину); чужд подлинно человечески ориентированный общественный строй: с реальным ростом, усилением

собственно общественной (междусубъектной), а не нулевой индивидно-организменной автотрофности человека. И если вдуматься в мысленный образ «организменно автотрофное существо с социальными качествами», то будет понятно, что это может быть и реально общественно гетеротрофный субъект. Т.е. гипотетическая организменная автотрофность человека может на деле быть как совместимой, так и несовместимой с общественной автотрофностью, т.е. бесчеловечной. Доказать противоположное невозможно.

Литература

1. Сорокин П.А. О так называемых факторах социальной эволюции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 521-531.
2. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. – М.: Современник, 1993. – С. 462-486.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
4. Казначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. – 304 с.
5. Карпинская Р.С. Заложник космоса или полномочный его представитель? // Человек, космос, эволюция (традиции русской религиозной философии и современность): Сб. ст. – М.: ИФ РАН, 1992. – С. 3-12.
6. Карпинская Р.С. Натуралистическое сознание и космос // Философия русского космизма. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – С. 302-315.
7. Большая энциклопедия: в 62 т. – Т.1. – М.: ТЕРРА, 2006. – 592 с.
8. Напр., Мочалов И.И. Вернадский Владимир Иванович (1863-1945) // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: в 2-х кн. Кн. 1. 20-50-е годы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – С. 666-701.
9. Казначеев В.П., Акулов А.И., Кисельников А.А., Милгазов И.Ф. Выживание населения России. Проблемы «Сфинкса XXI века». – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 2002. – 463 с.
10. Шугрин С.М. Космическая организованность биосферы и ноосферы. – Новосибирск: Сиб. предприятие РАН «Наука», 1999. – 496 с.
11. См., напр.: Аблеев С.Р. Космическая эволюция человека в философии Живой Этики (социально-философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1997. – 20 с.
12. Об этом см., напр.: Бернацкий В.О. Интерес: познавательная и практическая функции. – Томск: Изд-во Томского университета, 1984. – 170 с.; Он же. Человек и философия // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1996. – № 1. – С. 26.
13. Кузнецов О.И., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа – общество – человек: устойчивое развитие. – Дубна: Государственный научный центр Российской Федерации ВНИИГеоисстем; Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2000. – 403 с. режим доступа: <http://lib.uni-dubna.ru/search/files/main/~main.htm>
14. Моисеев И.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
15. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика, психология и футурология). – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 239 с.
16. Барсуков В.Л., Яншин А.И. В.И. Вернадский – великий ученый и мыслитель // Вестник АН СССР. 1988. – № 6. – С. 47-56.
17. Мочалов И.И. Первые предупреждения об угрозе ядерного омницида // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 3. – С. 50-60.

18. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Сочинения. – М.: «Раритет», 1994. – С. 315-438.

19. Гирусов Э.В. Принцип автотрофности человечества и космическая экология // Ученые записки Московского государственного социального университета. – 1998. – № 3. – С. 170-174.

Literature

1. Sorokin P.A. About so-called factors of social evolution // Sorokin P.A. Person. Civilisation. Society. – M: Politisdat, 1992. P. 521-531.
2. Vernadsky V.I. Autotrophy of mankind // Vladimir Vernadsky: Biography. Selected works. Reminiscences of contemporaries. Opinions of descendants. – M: Sovremennik, 1993. – P. 462-486.
3. Vernadsky V.I. Scientific thought as the planetary phenomenon. – M: Nauka, 1991. – 271 p.
4. Kaznacheev V.P., Spirin E.A. Spaceplanetary phenomenon of the person: Problems of complex studying. – Novosibirsk: Nauka. The Siberian branch, 1991. – 304 p.
5. Karpinskaya R.S. Hostage of space or its proxy representative? // Person, space, evolution (Traditions of Russian religious philosophy and the present): The collection of articles. – M.: IF RAN, 1992. P. 3-12.
6. Karpinskaya R.S. Naturalistic consciousness and space // Philosophy of Russian space science. – M.: Fond «New millennium», 1996. P. 302-315.
7. The big encyclopaedia: in 62 vol. – M.: TERRA, 2006. – Vol. 1. – 592 p.
8. For example, Mochalov I.I., Vernadsky V.I. (1863-1945) // Philosophy does not come to an end ... From history of domestic philosophy. XX Century: in 2 b. B. 1. 20-50s. – M.: Russian political encyclopaedia (ROSSPEN), 1998. – P. 666-701.
9. Kaznacheev V.P., Akulov A.I., Kiselevnikov A.A., Mingasov I.F. Survival of the population of Russia. Problems of «a XXI-st century Sphinx». – Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk university, 2002. – 463 p.
10. Shogrin S.M. Space organisation of biosphere and a noosphere. – Novosibirsk: Siberian enterprise of Russian Academy of Sciences «Nauka», 1999. – 496 c.
11. For example, Ableev S.R. Space evolution of the person in philosophy of Live Ethics (socially-philosophical aspect): abstr. of diss... of philosoph. sci. – M., 1997. – 20 c.
12. For example, Bernatsky V.O. Interest: informative and practical functions. – Tomsk: Publishing house of Tomsk university, 1984. – 170 p.; Bernatsky V.O. The person and philosophy // The Bulletin of Omsk branch of Academy of the humanities. – 1996. – № 1. – P. 26.
13. Kuznetsov O.L., Kuznetsov P.G., Bolshakov B.E. The System the nature – society – person: sustainable development. – Dubna: the State centre of science of Russian Federation VNIIGeo-system; the International university of the nature, society and person. – «Dubna», 2000. – 403 p. An access mode: <http://lib.uni-dubna.ru/search/files/main/~main.htm>
14. Moiseyev N.N. Destiny of civilisation. The way of mind. – M: Languages of Russian culture, 2000. – 224 p.
15. Nazaretyan A.P. Civilization Crises within the Context of Universal History (Self-Organization, Psychology and Futurology). – M.: PER SE, 2001. – 239 p.
16. Barsukov V.L., Yanshin A.I. V.I. Vernadsky – a great scientist and a thinker // Vestnik of Academy of Science of the USSR. 1988. – № 6. – P. 47-56.
17. Mochalov I.I. The first preventions of nuclear threat omnizid // Questions of history of natural sciences and technics. – 1983. – № 3. – P. 50-60.
18. Solovyov V.S. Three conversations on war, progress and the world history end // Solovyov V.S. Compositions. – M.: Raritet, 1994. – P. 315-438.
19. Girusov E.V. Principle of autotrophy of mankind and space ecology // scientific notes of the Moscow state social university. – 1998. – № 3. – P. 170-174.

Сведения об авторе

Скачков Алексей Сергеевич – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета, Омск, e-mail: welirta@gmail.com.

Data on author

Skachkov Aleksey Sergeevich - cand. of philosophy sci., senior lecturer of department of philosophy and social communication of Omsk State Technical University, e-mail: welirta@gmail.com.

УДК 165.243

ББК Ю216.5

А.А. Медова

СМЫСЛ КАК МОДУС СОЗНАНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ СМЫСЛОПОНИМАНИЯ

Статья посвящена анализу современных подходов к пониманию сознания, в качестве таковых выделяются структурный, функциональный, качественный и предлагаемый автором модальный подходы. Рассматриваются существующие концепции смысла в их соотносительности с выделенными типами интерпретации сознания.

Ключевые слова: сознание, модус, модальность, смысл, модели сознания: функциональные, структурные, качественные.

A.A. Medova

SENSE AS MODE OF CONSCIOUSNESS. CONTEMPORARY PARADIGM OF UNDERSTANDING OF SENSE

This article is devoted to the analysis of modern approaches to understanding of the consciousness. The next approaches has marked out: structural, functional, qualitative and modal. The existing concepts of sense in their correlation to the allocated types of the interpretation of the consciousness are considered as well.

Key words: consciousness, mode, modality, sense, models of consciousness: functional, structural, qualitative.

Исследование феномена смысла является ключевой проблемой в философии сознания. Совершенно очевидно, что возможность осмысленности чего-либо – это суть и сердцевина не только разумности, но и сознательности как таковой. Можно сказать, что открытие тайны смыслообразования равнозначно открытию тайны сознания. Смысл не сводим к мышлению, рациональности, логике, содержательности или значимости. Смысл есть главный феномен сознания, и в то же время его определение крайне проблематично.

Каждая философская концепция смысла подразумевает под собой определенную модель понимания сознания и уже заранее ею фундирована. Все многообразие интерпретаций сознания можно свести к ряду основных типов: существуют функциональные, структурные, качественные и модальные модели сознания. Эта классификация выведена нами исходя из констатации установок различных философов и школ. Наиболее распространена тенденция рассматривать сознание как ряд определенных функций, направленных главным образом на установление «сообщения» субъекта с реальностью, а также на самоподдержание, – такого рода модели мы называем *функциональными* (к этому типу относятся модели психоанализа, марксистская теория отражения). С другой стороны, существует множество попыток анализировать сознание в структурном ключе как организованную систему элементов, это имеет место в феноменологии, неокантианстве, аналитической фило-

софии, неопозитивизме, благодаря чему возникают *структурные модели сознания*. В третьем аспекте содержания сознания мыслятся как чистые качества безотносительно их функций и структурирования – это *качественные модели сознания*, представленные в учениях русских религиозных философов А. Бергсона, В. Налимова и др.

В то же время следует отметить, что означенные три подхода никогда не встречаются в философских учениях в «чистом виде»: функциональные, структурные и качественные интерпретации сознания друг друга не исключают и часто смешиваются, поэтому наша классификация выстроена по принципу доминирования в концепции того или иного подхода. Существенно, что данный факт взаимопроникновения означенных концепций позволяет обосновать актуальность и продуктивность *модальной интерпретации сознания*.

Согласно модальному подходу все содержания сознания являются его модусами и таким образом на определенном уровне совпадают друг с другом, являясь единством сознания, сознанием как таковым. Т.е. речь в данном случае идет не о существовании различных структур, функций или содержаний сознания, а об определенных модусах одного и того же объекта. Для понимания этой концепции необходимо обратиться к сути понятия «модус».

«Модус» переводится с латинского как мера, способ, образ, вид. Под модусом мы понимаем способ или форму существования единого начала,